СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ I, № 3.

СНОШЕНІЯ П. И. РЫЧКОВА

СЪ

АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

СТАТЬЯ
АКАДЕМИКА П. П. ПЕКАРСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1866.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 30-го іюня 1866 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

13-го августа 1759 года, академикъ Миллеръ, бывшій въ то время конференцъ-секретаремъ нашей Академіи, писалъ къ помѣщику Оренбургской губерніи: «Вы получите дипломъ на принятіе васъ въ члены-корреспонденты. Это служитъ доказательствомъ, какъ умѣетъ цѣнить Академія, съ одной стороны, ваши заслуги и то, что̀ уже сдѣлано вами для споспѣшествованія наукамъ, а съ другой стороны, какъ желаетъ она на будущее время пользоваться вашимъ усердіемъ и ревностью. Вы еще первый въ Россіи достигаете такой чести и получаете званіе это не искательствами, не происками своихъ друзей — лично вы не извѣстны никому въ Академіи. Васъ знаютъ только по вашимъ сочиненіямъ и усердію, выказываемому вами въ поспѣшествованіи наукамъ и общему благу, и, наконецъ, по вашей теперешней перепискѣ со мною, въ особенности полезной Академіи. Эти обстоятельства придаютъ диплому истинную его цѣну. Нынѣ отъ васъ зависитъ, чтобы надежда, возлагаемая на васъ Академіею, возрасла еще болѣе. Если же она чѣмъ-либо другимъ въ состояніи оказать вамъ угодное, то какъ его сіятельство г. президентъ (графъ Кир. Гр. Разумовскій), такъ и все наше общество, равно какъ и членъ его въ отдѣльности, исполнятъ это съ удовольствіемъ»...

Письмо это было писано къ Петру Ивановичу Рычкову. Предки его занимались торговыми промыслами въ Вологдѣ. Отецъ его, также купецъ, вслѣдствіе разныхъ неудачъ по подрядамъ съ казною, покинулъ этотъ городъ и въ 1720 году переѣхалъ въ Москву. При частыхъ сношеніяхъ своихъ съ голландцами, онъ

полюбилъ ихъ и желалъ, чтобы сынъ его Петръ (род. въ 1712 году) учился голландскому языку и правиламъ иностранной торговли. Поэтому молодой Рычковъ отданъ былъ на воспитаніе къ извѣстному въ петровскія времена директору полотняной Фабрики, иноземцу Ивану Тамезу, и у него ознакомился съ иностранными языками, а также пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія по торговой части. Съ 1730 года Петръ Рычковъ жилъ подъ Петербургомъ, занимая частное мѣсто на заводахъ одного англичанина, а въ 1734 году, двадцати-двухъ лѣтъ отъ роду, отправился на службу въ отдаленный край, извѣстный подъ названіемъ оренбургскаго. Собственно его взяли туда, какъ рѣдкаго въ тѣ времена знатока иностранной бухгалтеріи; но вскорѣ Рычковъ сталъ завѣдывать всею перепискою главныхъ начальниковъ, которымъ поручено было устройство и успокоеніе края, взволнованнаго въ тѣ времена частыми возмущеніями инородцевъ. Здѣсь Рычковъ и провелъ всю остальную свою жизнь, то чиновникомъ на службѣ въ Оренбургѣ, то помѣщикомъ въ своемъ селѣ Спасскомъ, изрѣдка оставляя новую свою родину для дѣловыхъ поѣздокъ въ Москву и Петербургъ.

Если знать только эти обстоятельства изъ жизни Рычкова, то можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ при обстановкѣ, въ которой провелъ онъ всю свою жизнь, и при напряженной дѣятельности, которая выпала на его долю въ краѣ, гдѣ приходилось только-что водворять русское господство, какимъ образомъ онъ успѣлъ заявить себя на совершенно чуждомъ его обычнымъ занятіямъ поприщѣ, и притомъ заявить такъ успѣшно, что Миллеръ, этотъ извѣстный трудолюбецъ, отдавшійся весь ученымъ работамъ и бывшій чрезвычайно требовательнымъ въ отношеніи другихъ, высказался, какъ видѣли выше, съ такою похвалою о заслугахъ Рычкова Академіи?

Въ наше время нерѣдко можно слышать рѣзкія выходки противъ преобразованія, произведеннаго въ Россіи великимъ человѣкомъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Дѣйствительно, въ матеріалахъ для изображенія темныхъ сторонъ, на которыя, часто безъ

всякой повѣрки, смотрятъ какъ на послѣдствія этого преобразованія, недостатка нѣтъ; но приэтомъ было бы несправедливо проходить молчаніемъ, или вовсе отрицать тѣ замѣтные успѣхи, которые въ исторіи русскаго просвѣщенія были прямымъ послѣдствіемъ петровской реформы. Такъ на-примѣръ, въ русскомъ обществѣ XVIII столѣтія начинаютъ встрѣчаться люди, которые, не будучи учеными по обязанности, лишенные въ юности средствъ къ пріобрѣтенію основательныхъ знаній и почти всегда окруженные самыми неблагопріятными для духовнаго развитія обстоятельствами, являлись однако горячими и ревностными поборниками просвѣщенія и распространенія знаній. Иногда они сами пробовали браться за обработку той или другой части науки и — должно сознаться — часто безуспѣшно, потому что въ такихъ случаяхъ уже недостаточно одной доброй воли, одной любви къ предмету, а потребны научные пріемы, обширныя знанія; но не этого рода дѣятельностію слѣдуетъ оцѣнивать заслуги подобныхъ людей. У нихъ есть другія, несомнѣнныя права на признательность потомства — это безкорыстная любовь къ просвѣщенію и готовность содѣйствовать успѣхамъ его всѣми зависящими отъ нихъ способами. Если вспомнить, какъ невысокъ былъ уровень духовнаго развитія въ большинствѣ русскаго общества XVIII столѣтія, и какъ болѣе чѣмъ равнодушно относилось оно ко всему, что касалось науки, то конечно нельзя не принять, что люди, выказывавшіе иныя воззрѣнія, дѣйствовавшіе наперекоръ укоренившимся обычаямъ, должны были обладать даже самоотверженіемъ и вообще значительною твердостью убѣжденія. Правда, что такіе люди составляли у насъ значительное меньшинство; но это меньшинство, что̀ очень знаменательно, не переводилось со временъ Петра Великаго, такъ что едва угасалъ одинъ представитель, его мѣсто занималъ тотчасъ другой.

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, Татищевъ первый изъ русскихъ обратилъ серьезное вниманіе на изученіе источниковъ русской исторіи; Кириловъ первый издалъ географическій атласъ Россіи; Соймоновъ первый собралъ обстоятельные мате-

ріалы для описанія Каспійскаго моря и горячо содѣйствовалъ странствіямъ промышленныхъ людей по маловѣдомымъ землямъ Восточнаго океана; наконецъ, Рычковъ оставилъ достовѣрныя извѣстія для исторіи и географіи почти неизвѣстнаго до него края. Вотъ лица, которыя безспорно должны остаться памятными въ исторіи русскаго просвѣщенія, какъ типы истинно образованныхъ русскихъ людей въ первый періодъ послѣ петровскаго преобразованія. Но гдѣ искать о нихъ извѣстій? Бумаги одного сгорѣли, другаго и третьяго невѣдомо гдѣ; четвертаго — какъ слышно, пошли на обклейку покоевъ. Тщетно изслѣдователь сталъ бы обращаться къ частнымъ лицамъ съ просьбами о доставленіи свѣдѣній о подобныхъ людяхъ: на всѣ вопросы почти заранѣе можно ожидать отрицательные и уклончивые отвѣты, потому что — надобно сознаться — у насъ вообще мало дорожатъ остатками прошлаго и обращаются съ ними съ удивительною небрежностью. Къ счастію для историка нынѣ открывается, что всѣ названныя сейчасъ лица были въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Академіею Наукъ и съ разными членами ея. Любовь къ знаніямъ связывала этихъ людей съ ученымъ учрежденіемъ, и въ перепискѣ съ нимъ они являются тѣми безкорыстными поборниками науки, о которыхъ было говорено выше. Такимъ образомъ, наша Академія можетъ по справедливости гордиться, что въ ея архивахъ уцѣлѣли памятники связей ея съ лучшими представителями русскаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ матеріалы, можно безъ преувеличенія сказать, единственные въ своемъ родѣ для будущей исторіи русскаго просвѣщенія.

Очеркъ дѣятельности П. И. Рычкова я изложу почти исключительно по однѣмъ бумагамъ академическаго архива.

Рычковъ взятъ былъ въ такъ-называемую Оренбургскую коммиссію Кириловымъ. Послѣдній, по свидѣтельству самого Рычкова, «имѣлъ его всегда и во всѣхъ походахъ безотлучно при себѣ и подлинно содержалъ въ отличной милости». По смерти Кирилова, оренбургскими дѣлами управлялъ Василій Никитичъ Татищевъ. Его Рычковъ называлъ неиначе, какъ своимъ «от-

цомъ, милостивцомъ и благодѣтелемъ». Татищевъ устроилъ въ Самарѣ татарско-калмыцкую школу, и о ней, по отбытіи его въ Астрахань, сталъ заботиться Рычковъ. Изъ писемъ его въ 1741 году видно, что въ то время онъ уже занимался, по порученію и указаніямъ Татищева, переводами съ нѣмецкаго и хлопоталъ о составленіи татарско-калмыцкаго лексикона. «И хотя меня, писалъ онъ между прочимъ 28-го марта 1741 года, въ затѣяхъ моихъ многіе предосуждаютъ, вѣдаючи кромѣ того многія мои несвободности, но доброму намѣренію Богъ помогаетъ!»

Татищевъ долгомъ считалъ подобныя письма Рычкова сообщать Академіи, а впослѣдствіи, именно 30-го мая 1750 года, даже просилъ о избраніи его въ почетные члены ея. Шумахеръ ссылался, что объ избраніи Рычкова слѣдуетъ просить Теплова, товарища его по академической канцеляріи; на самомъ же дѣлѣ желаніе Татищева не было исполнено едва ли не потому, что изъ доставленныхъ въ Академію писемъ и извѣстій Рычкова видна была только охота его къ историческимъ и географическимъ занятіямъ, но не болѣе. Нудача перваго домогательства Татищева не охладила однако Рычкова отъ дальнѣйшихъ работъ, и въ 1755 году имъ была окончена первая часть замѣчательнѣйшаго изъ его трудовъ, «Оренбургская Топографія».

Въ одну изъ поѣздокъ своихъ въ Петербургъ, Рычковъ познакомился съ Ломоносовымъ, а потому къ нему послалъ свое сочиненіе (2-го февраля 1755 г.), и впослѣдствіи разсказывалъ о томъ: «Михайло Васильевичъ Ломоносовъ, получа первую часть моей «Топографіи», письмомъ своимъ весьма ее расхвалилъ; далъ мнѣ знать, что она отъ всего академическаго собранія аппробована; писалъ, что пріятели и непріятели (употребляю точныя его слова) согласились, дабы ее напечатать, а карты вырѣзать на мѣди»...

Изданіе при Академіи Наукъ перваго русскаго учено-литературнаго журнала, подъ названіемъ «Ежемѣсячныя Сочиненія», и помѣщеніе въ немъ «Писемъ о коммерціи» Рычкова были поводомъ къ сношеніямъ, перешедшимъ скоро въ короткую пріязнь

съ академикомъ Миллеромъ. Послѣдній употреблялъ всѣ зависящія отъ него средства, чтобы заохотить своего корреспондента къ дальнѣйшимъ работамъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ отзывался о немъ съ похвалами. Такъ въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» на 1757 годъ (мартъ), въ статьѣ «Предложеніе, какъ исправить погрѣшности, находящіяся въ иностранныхъ писателяхъ, писавшихъ о россійскомъ государствѣ», исторіографъ прямо высказывалъ, что для русскихъ настало уже время, когда имъ самимъ слѣдуетъ опровергнуть все ложное и невѣрное, написанное о Россіи иноземцами или вслѣдствіе незнанія ими исторіи и языка ея, или же по личному предубѣжденію; что теперь необходимо приступить къ составленію, хотя бы краткихъ, географіи и исторіи Россіи, и что въ составленіи подобнаго сочиненія не представится большихъ затрудненій, когда «во всякой губерніи будетъ человѣкъ, искусствомъ и прилежаніемъ подобный г. совѣтнику Рычкову въ Оренбургской губерніи»...

Одобреніе Миллера снова возбудило надежду въ Рычковѣ на избраніе его въ члены-корреспонденты Академіи. Званіе это для самолюбія Рычкова, вращавшагося въ отдаленномъ провинціальномъ обществѣ, не могло быть особенно заманчивымъ; но у него были въ этомъ случаѣ иные виды. «Хотя я, писалъ онъ къ Миллеру 25-го декабря 1757 года, сначала бытности моей въ Оренбургской губерніи, по охотѣ моей, старался и всегда стараюсь, дабы чрезъ посылаемыхъ въ тѣ мѣста, гдѣ что либо курьёзное есть, достовѣрно развѣдывать, а иногда и описывать... (однако) критика и негодованіе, которымъ новыя дѣла часто подвержены бываютъ и у насъ, въ тѣхъ моихъ стараніяхъ нерѣдко самые лучшіе случаи изъ рукъ отъ меня отнимаютъ, ибо почитается то иногда за ненадобное, а иногда къ должности моей непринадлежащее. И такъ я... осмѣлился нынѣ на ваше разсужденіе... сообщить: ежели бы возможно и непротивно было... по силѣ регламента Императорской Академіи Наукъ причислить меня за то въ титулярные ея члены для исторіи и объ ономъ въ оренбургскую канцелярію дать знать, то тѣмъ не только бъ дались мнѣ лучшіе

и удобнѣйшіе способы все то свободно и охотно исполнять, что̀ въ нашей сторонѣ Академія признаетъ на меня опредѣлить, но и отъ всякаго нареканія и негодованія совершенно бъ уже свободенъ я былъ...»

Миллеръ, обѣщая (30-го мая 1758 г.) хлопотать объ этомъ, присовокуплялъ: «его сіятельство г. президентъ обѣщалъ, но примѣра еще такого нѣтъ и не безъ охотниковъ, которые того желаютъ. И больше кажется, что надлежитъ прежде почтить симъ званіемъ нѣкоторыхъ изъ первѣйшихъ господъ здѣшнихъ»...

Желаніе Рычкова осуществилось въ 1759 году: онъ избранъ былъ, какъ мы видѣли вначалѣ, въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ. Со времени вступленія его въ переписку съ Миллеромъ, Рычковъ, кромѣ капитальнаго своего труда «Оренбургской Топографіи», доставилъ въ Академію: «Исторію Оренбургскаго края», «Опытъ Казанской исторіи», «О земледѣліи въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ», «Описаніе замѣчательнѣйшей пещеры въ Башкиріи», «О титулѣ бѣлаго Царя», и нѣсколько переводовъ съ нѣмецкаго языка. Всѣ эти сочиненія и статьи были изданы въ свѣтъ на счетъ Академіи Наукъ [1]). Сверхъ того, письма Рычкова къ Миллеру наполнены множествомъ мелкихъ объясненій и разныхъ описаній, иногда нелишенныхъ значенія и для нашего времени. Такъ на-примѣръ, тамъ находимъ замѣчанія о словахъ: казакъ, баранта, черная Россія; извѣстія: объ экспедиціи князя Бековича Черкасскаго при Петрѣ Великомъ, о такъ-называемой золотой уфимской книгѣ, о сѣрномъ заводѣ близъ Самары, и наконецъ даже цѣлыя статьи, въ родѣ

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что съ перваго года основанія Вольнаго Экономическаго Общества, т. е. съ 1765 г., Рычковъ былъ членомъ его и постоянно доставлялъ для «Трудовъ» этого Общества разныя статьи своего сочиненія. Главный основатель его, совѣтникъ академической канцеляріи Тауберть признавался, что Рычковъ есть одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ въ помянутомъ журналѣ. Общество нѣсколько разъ награждало его труды и открытія медалями, а однажды присудило золотую медаль женѣ Рычкова, Еленѣ Денисьевнѣ. Съ 1773 года онъ состоялъ также членомъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Московскомъ университетѣ, которое издало въ 1774 году его «Введеніе въ Астраханскую Топографію».

«Мнѣніе о распространеніи оренбургской коммерціи въ дальнѣйшія азіятскія страны и о средствахъ къ тому надлежащихъ» и т. п.

Независимо отъ доставленія историческихъ и географическихъ извѣстій, а также частыхъ посылокъ образчиковъ рудъ, разныхъ окаменѣлостей и пр., Рычковъ оказывалъ услуги Академіи по части естествовѣдѣнія. Своимъ описаніемъ выхухоли (mus aquaticus, myogale moscovitica) онъ далъ возможность пополнить и исправить неточности и невѣрности прежнихъ ученыхъ въ описаніи этого животнаго, о чемъ подробно указано въ Novi commentarii Academiae Petropolitanae, т. IV, стр. 46—49. Первые экземпляры выхухоли Академія получила отъ Рычкова (при письмѣ отъ 6-го мая 1759 г.), также какъ и гнѣзда птички ремеза parus pendulinus (1-го іюля 1759 г.); причемъ сдѣлано обстоятельное описаніе ихъ и не забыто народное повѣрье, что отъ окуриванія этими гнѣздами бываютъ здоровы дѣти. 2-го іюня 1759 года онъ доставилъ въ Академію нѣсколько экземпляровъ такъназываемаго бѣлужьяго камня, извѣстнаго тогда только по разсказамъ. Указавъ на несправедливость слуховъ, что будто его находятъ въ головѣ бѣлуги, Рычковъ замѣтилъ, что въ народѣ этому камню приписываютъ лечебныя свойства и даютъ женщинамъ при трудныхъ родахъ. Будучи въ имѣніи своемъ, Рычковъ обратилъ вниманіе на рѣдкую въ остальной Европѣ птичку — водянаго воробья (sturnus cinclus, cinclus aquaticus). При отсылкѣ въ Академію экземпляровъ его, онъ описалъ свои наблюденія надъ нимъ, съ дополненіемъ, что народъ вѣритъ, что жиръ водянаго воробья предохраняетъ тѣло отъ стужи. По предложеннымъ изъ Академіи вопросамъ, Рычковъ послалъ туда подробности о добываніи рыбьяго клея на Яикѣ (Уралѣ). 29-го іюня 1763 года онъ сообщилъ Академіи чрезъ Миллера, что въ Оренбургской губерніи сбираютъ червецъ (coccus Polonicus) съ клубничныхъ стеблей и красятъ имъ ткани въ яркій алый цвѣтъ. Миллеръ, получивъ образчики, отвѣчалъ: «открытіе такого неизвѣстнаго предмета въ натуральной исторіи, какъ кошенили въ Оренбургской губерніи, заслуживаетъ величайшей признательности»... По

желанію Академіи, Рычковымъ сообщено туда (1-го сентября 1767 года) описаніе землянаго зайца (mys jaculus), который потомъ уже сталъ извѣстенъ изъ сочиненія Палласа Novae species quadrupedum e glirium ordine, стр. 284 и т. д.

Съ 1761 года Рычковъ, оставивъ службу, переѣхалъ въ свое село Спасское, гдѣ весь отдался сельскому хозяйству, не оставляя однако своихъ сношеній съ Академіею. Въ началѣ 1767 года онъ ѣздилъ въ Москву и здѣсь, по стараніямъ своего друга Миллера и президента Академіи, графа Разумовскаго, былъ представленъ императрицѣ Екатеринѣ II. Рычковъ при этомъ случаѣ не могъ не поддаться тому обаятельному впечатлѣнію, которое, по отзывамъ всѣхъ, видѣвшихъ эту государыню, умѣла она производить на окружавшихъ ее. «12-го числа марта, имѣлъ я», записалъ Рычковъ въ своей автобіографіи, «счастіе предстать ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей моей монархинѣ, и удостоился изъ устъ ея величества услышать слѣдующія слова: «я извѣстна, что вы довольно трудитесь въ пользу отечества, за что̀ вамъ благодарна». Послѣ того, поднесъ я ея величеству сочиненія моего печатную книжку, подъ именемъ «Опытъ Казанской исторіи», съ пріобщенною къ ней на высочайшее ея императорскаго величества дедикаціею, которую сама принявъ изъ рукъ моихъ, изволила еще болѣе благодарить и болѣе часа въ парадной своей опочивальнѣ разговаривала со мной, распрашивая меня о городѣ Оренбургѣ, о ситуаціи тамошнихъ мѣстъ, о хлѣбопашествѣ и о коммерціи тамошней такъ снисходительно и милостиво, что сей день наилучшимъ и счастливѣйшимъ въ жизни моей почитать надлежитъ...»

Въ 1770 году, Рычковъ, снова вступивъ на службу главнымъ правителемъ оренбургскихъ соляныхъ дѣлъ, увѣдомлялъ о томъ Миллера (3-го декабря 1769 г.), такимъ образомъ: «я, сдѣлавъ установъ моей коммиссіи, не премину трудиться, по привычкѣ моей, въ дѣлахъ до наукъ принадлежащихъ»... Не прошло и года послѣ того, какъ въ сосѣдствѣ съ Оренбургомъ случилось событіе, которое можно считать прологомъ въ кровавой драмѣ,

разыгравшейся потомъ въ Оренбургской и смежныхъ съ ней губерніяхъ и извѣстной подъ именемъ Пугачевщины: это — удаленіе изъ русскихъ предѣловъ около 170 тысячъ калмыковъ, которые до того времени кочевали въ низовьяхъ Волги. Любознательнаго Рычкова въ высшей степени интересовало это событіе; но тогдашній оренбургскій губернаторъ Рейнсдорпъ, зная его наклонности къ писательству, тщательно скрывалъ отъ него весь ходъ дѣла и всѣ распоряженія, касательно возвращенія удалившихся калмыковъ. Это огорчало Рычкова, и онъ высказывался о томъ въ письмахъ къ Миллеру, который между тѣмъ настоятельно требовалъ отъ своего пріятеля письменныхъ извѣстій о событіи. Въ войскахъ, посланныхъ въ погоню за калмыками, служили двое сыновей Рычкова; сверхъ того, онъ распрашивалъ о подробностяхъ у пріѣзжихъ изъ Яицкаго-городка, Астрахани и другихъ мѣстъ. Изъ разсказовъ, собранныхъ этими путями, Рычковъ успѣлъ составить краткое извѣстіе о бѣгствѣ калмыковъ, которое стараніями Миллера, дошло до рукъ Императрицы. Узнавъ о томъ, Рейнсдорпъ разсердился и, 19-го января 1772 года, въ письмѣ къ Миллеру выразилъ удивленіе, какимъ образомъ Рычковъ могъ браться за описаніе такого извѣстія, когда офиціальная переписка заключается о немъ въ пятидесяти томахъ и производится вся съ надписью: «по секрету». Рейнсдорпъ объяснялъ себѣ появленіе сочиненія Рычкова ни чѣмъ инымъ, какъ его неограниченнымъ тщеславіемъ и самонадѣянностію, называлъ его неблагодарнымъ и тартюфомъ, но въ концѣ не могъ не замѣтить: «впрочемъ, я отдаю всю справедливость его, хотя и не воздѣланному — уму». Изъ писемъ Рычкова видно, что губернаторъ не ограничился однѣми письменными жалобами, но при случаѣ старался дѣлать ему разныя непріятности по службѣ, что ему, какъ начальнику края, не было особенно затруднительно.

Съ 1772 года начались волненія между яицкими казаками, а въ іюлѣ 1773 г. около Оренбурга появился Пугачевъ. Рычковъ, уже наученный опытомъ, не рѣшался писать къ Миллеру прямо о самозванцѣ, и 3-го сентября ограничился неопредѣленною фра-

зой: «здѣсь ничего достойнаго нѣтъ. Мы никогда еще въ такомъ безпокойствѣ не находились, какъ нынѣ, а въ чемъ оно состоитъ увѣдомлю васъ впредь»... Безпокойство, какъ извѣстно, все расло болѣе и болѣе, но чтобы скрыть его, Рычковъ, въ письмѣ къ Миллеру 19-го того же сентября, наивно хитрилъ: «здѣсь у насъ нѣтъ ничего новаго, да и что можетъ быть въ такой отдаленности достойное къ вашему увѣдомленію?»... Послѣ этого письма прерывается переписка Рычкова; до апрѣля слѣдующаго 1774 года онъ успѣлъ переслать къ Миллеру только два письма, тогда какъ прежде писалъ къ нему едва не съ каждой почтой. Извѣстно, что въ этотъ промежутокъ времени Оренбургъ находился въ осадѣ отъ мятежниковъ и терпѣлъ всѣ мозможныя лишенія отъ недостатка вообще предметовъ первой необходимости. Но едва осада кончилась, Рычковъ спѣшилъ извѣстить Миллера (въ апрѣлѣ 1774 г.): «Бѣдственное наше состояніе, сначала октября понынѣ продолжавшееся, не допущало меня къ пріятнѣйшей съ вами перепискѣ... Теперь избавились мы отъ злодѣевъ Божескимъ и монаршескимъ защищеніемъ... Во время осады, когда нечего было дѣлать, описалъ я астраханскій бунтъ Стеньки Разина и его сообщниковъ. Сіе извѣстіе прилично къ астраханской исторіи...» Нужно ли прибавлять, какъ высказывается Рычковъ весь въ этихъ строкахъ, писанныхъ нѣсколько дней спустя по снятіи осады, въ продолженіе которой часто многіе изъ жителей Оренбурга считали наступающій день послѣднимъ въ своей жизни? Въ маѣ того же года, онъ уже начинаетъ собирать матеріалы для описанія пугачевщины, а въ сентябрѣ пересылаетъ свой трудъ по частямъ къ Миллеру. Въ первый разъ онъ напечатанъ вполнѣ Пушкинымъ, въ его «Исторіи Пугачевскаго бунта».

Во время мятежа имѣнія Рычкова подверглись раззореніямъ, имущество его было разграблено, а незадолго до окончательнаго усмиренія бунта ему пришлось испытать еще большее несчастіе, которое описано имъ въ собственноручномъ письмѣ къ Миллеру 18-го сентября 1774 года: «Теперь снова посѣщенъ я печалью, но таковой, которой для меня больше быть не можетъ: сынъ мой,

старшій, тотъ, который былъ полковникомъ и симбирскимъ комендантомъ, деташированъ былъ съ малою командою на скопившихся около Симбирска злодѣевъ. Онъ трафилъ на многочисленную толпу злодѣевъ. Онъ тутъ скончался, убитъ оными злодѣями. Сдѣлайте въ такомъ случаѣ отраду и утѣшеніе вашему другу. Кончина его тѣмъ хороша, что онъ жизнь свою положилъ за отечество».

Между тѣмъ, для усмиренія взволнованныхъ Пугачевымъ губерній, былъ посланъ Императрицею графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. По рекомендаціи Миллера и Петра Дмитріевича Еропкина, онъ обратилъ особенное вниманіе на Рычкова, вызвалъ его къ себѣ въ Симбирскъ (въ сентябрѣ 1774 года) и поручилъ ему составленіе историческихъ извѣстій о башкирахъ и киргизахъ, о ихъ отношеніяхъ къ русскому правительству, торговлѣ, податяхъ и проч. Сверхъ того, на Рычкова возложено было присутствованіе, вмѣстѣ съ нелюбившимъ его губернаторомъ Рейнсдорпомъ и къ крайней досадѣ послѣдняго, по всѣмъ пограничнымъ дѣламъ, а также касавшимся инородцевъ оренбургскаго края. Правительство было довольно трудами Рычкова, такъ-что кромѣ двухъ тысячъ рублей, данныхъ графомъ Панинымъ, въ 1777 г. императрица пожаловала ему значительную въ тѣ времена сумму 15 тысячъ рублей. Замѣчательно, что этотъ неутомимый человѣкъ, посреди множества занятій, и притомъ страдая уже отъ тяжкой болѣзни, не измѣнилъ своей страсти къ изслѣдованіямъ и разысканіямъ: едва только получилъ онъ вліяніе на всѣ дѣла по губерніи, какъ задумалъ составить географическій лексиконъ мѣстностей оренбургскаго края, для чего и разосланы были отъ него требованія во всѣ подлежащія присутственныя мѣста. «Сіе зачалъ я — писалъ онъ къ Миллеру 4-го февраля 1776 г. — по согласію съ Иваномъ Андреевичемъ, г. губернаторомъ; но есть уже здѣсь бепокойныя головы, которыя почитаютъ сіе за ненадобное дѣло, служащее къ отягощенію люда. И хотя я отъ такихъ безпутныхъ толковъ не имѣю опасенія, но чтобъ вправду не произошло отъ того помѣшательства, покорно прошу васъ отпи-

сать къ его превосходительству отъ себя, чтобъ и онъ въ томъ мнѣ способствовалъ съ своей стороны и не допущалъ бы безпокоить меня отъ такой негодной и вредной критики. Слышу, что здѣшній прокуроръ принимаетъ въ ней участіе, слушая приказныхъ служителей, самыхъ подлыхъ душей (sic)! Вотъ каковы здѣшнія обстоятельства и какъ помогаютъ полезнымъ дѣламъ!...»

Въ мартѣ 1777 г., Рычковъ получилъ новое назначеніе: ему было ввѣрено главное начальство надъ горными заводами въ Екатеринбургѣ, куда онъ прибылъ въ концѣ іюля, совершенно разстроенный въ здоровьи.

Двадцатилѣтняя переписка Рычкова съ Миллеромъ прерывается письмомъ жены, Елены Денисьевны Рычковой, отъ 11 ноября 1777 года: «Милостивый государь Ѳедоръ Ивановичъ. Пріятное письмо ваше къ любезному вашему другу, Петру Ивановичу, не застало его вживѣ, ибо по произволенію Божію, къ несносному моему мученію, скончался онъ октября 15-го дня, и я осталась теперь со всѣми своими дѣтьми въ наигорестнѣйшемъ состояніи. Надѣюсь, что и вы, такъ какъ бывшій другъ покойному моему Петру Ивановичу, примите соучастіе въ моемъ несчастіи...»

Рычковъ не забудется въ исторіи русской литературы, какъ писатель, оставившій достовѣрныя и разнообразныя свѣдѣнія о малоизвѣстномъ въ его времена краѣ и о событіяхъ, которыя тамъ совершались на его глазахъ. Въ исторіи просвѣщенія Россіи XVIII столѣтія онъ является представителемъ лучшихъ людей современнаго ему общества. Для нашей Академіи имя Рычкова въ особенности дорого по его безкорыстному служенію наукѣ и по его тѣснымъ и дружескимъ отношеніямъ къ большей части современныхъ знаменитостей ученаго общества. Рычковъ почиталъ Миллера не только авторитетомъ въ дѣлѣ науки, но и первѣйшимъ своимъ доброжелателемъ и другомъ. Хотя его письма къ исторіографу, согласно требованіямъ стариннаго этикета, всегда сопровождались церемоннымъ титулованіемъ въ родѣ: «высокородный и высокопочтенный господинъ коллежскій совѣтникъ,

милостивый государь мой!», однако въ этихъ письмахъ, нерѣдко оканчивавшихся словами: «прости мой дражайшій другъ», постоянно проглядывала теплая привязанность... «повѣрьте, милостивый государь мой и другъ, что я» — писалъ на-примѣръ, Рычковъ 8-го октября 1766 г. — «ваше здоровье и вашу ко мнѣ милость и дружбу почитаю неоцѣненною...» Подъ старость, онъ такъ привыкъ къ частому обмѣну мыслей съ Миллеромъ посредствомъ переписки, что тому достаточно было пропустить нѣсколько почтъ, и Рычковъ начиналъ безпокоиться. Во время пребыванія въ деревнѣ, онъ писалъ къ исторіографу 7-го сентября 1767 г.: «утѣшеніе мое наиболѣе состоитъ въ полученіи и въ отвѣтствованіи вашихъ дружескихъ писемъ...» Пріятельскія отношенія Рычкова къ Миллеру препятствовали первому сойтись съ знаменитымъ антагонистомъ исторіографа, Ломоносовымъ. Рычкову было извѣстно неблаговоленіе къ нему послѣдняго; но какъ только узналъ онъ, что Ломоносовъ, для сочиненія описанія рудъ и другихъ минераловъ, встрѣчаемыхъ въ Россіи, обратился къ русскимъ заводчикамъ съ приглашеніемъ доставлять описанія и образцы, то поспѣшилъ (1-го мая 1764 года) исполнить эту просьбу и потомъ съ нетерпѣніемъ допрашивалъ Миллера объ отзывѣ Ломоносова. Исторіографъ отвѣчалъ (24-го декабря 1764 г.): «Сегодня все наше академическое общество обѣдало у его сіятельства графа Григорія Григорьевича Орлова. При этомъ случаѣ я видѣлся также съ г. Ломоносовымъ и показывалъ ему ваше извѣстіе о рудахъ на Уралѣ. Оно было ему пріятно, и онъ обѣщался письменно благодарить какъ за это, такъ и за прежнія свѣдѣнія»... Когда Шлёцеръ просилъ Рычкова вступить съ нимъ въ ученую переписку, то послѣдній спрашивалъ совѣта о томъ Миллера. Что̀ отвѣчалъ онъ — неизвѣстно, только Рычковъ 1-го сентября 1767 года увѣдомлялъ своего друга: «Г. Шлёцеръ дважды ко мнѣ писалъ, и я ему также отвѣтствовалъ. Впрочемъ, буду я слѣдовать вашему совѣту. Мое почтеніе усугубляется всегда къ тѣмъ, кои къ отечеству моему усердствуютъ. Видно, что онъ имѣетъ изрядное свѣдѣніе въ наукахъ»...

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія начинается рядъ славныхъ путешествій по Россіи, совершенныхъ по предначертанію нашей Академіи членами ея. Всѣ академики, посѣщавшіе оренбургскій край, зная опытность и обширныя свѣдѣнія перваго описателя его, считали обязанностію заѣзжать къ нему за совѣтами. Такъ академикъ Крафтъ-младшій нарочно останавливался на нѣкоторое время въ г. Бугульмѣ, въ ожиданіи возвращенія въ село Спасское владѣльца его изъ Оренбурга. Въ экспедиціи Палласа находился сынъ Рычкова, Николай Петровичъ, подававшій большія надежды, но, къ сожалѣнію, умершій еще въ молодыхъ лѣтахъ. По словамъ отца, сынъ его и Палласъ были между собою «великіе друзья». Старикъ-Рычковъ записалъ въ своей автобіографіи, какъ случай особенно замѣчательный, пріѣздъ въ Спасское Палласа: «октября 5-го числа (1768 г.) пріѣхалъ ко мнѣ г. профессоръ Палласъ, для совѣтованія о дѣлахъ, до его экспедиціи принадлежащихъ, а 11-го того жъ поѣхалъ онъ отъ меня для осмотра по рѣкѣ Соку лежащихъ мѣстъ»... Академикъ, въ свою очередь, занесъ въ свой классическій трудъ: «Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs»: «5-го октября, по почтовой дорогѣ пріѣхали мы... въ имѣніе Спасское — обычное пребываніе г. статскаго совѣтника Рычкова, столь же знаменитаго своими сочиненіями, сколько достойнаго уваженія по личнымъ качествамъ. При ласковомъ пріемѣ, въ радушной и назидательной бесѣдѣ, я здѣсь прожилъ незамѣтно до 11-го числа этого мѣсяца»... Между описаніями природы села Спасскаго, Палласъ не забылъ упомянуть и о водяномъ воробьѣ (у него sturnus cinclus), и притомъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ коихъ описывалъ его Рычковъ. Нѣсколько страницъ далѣе встрѣчаемъ въ «Путешествіи» свѣдѣнія о coccus polonicus, или червцѣ, въ той самой Черкасской слободѣ, о которой сообщилъ Рычковъ въ Академію въ 1763 году, при первомъ описаніи червца.

За мѣсясъ до Палласа въ Спасскомъ былъ академикъ Лепехинъ. Въ его «Дневныхъ Запискахъ», подъ 1 — 4 сентября

1768 года, находимъ: «Время было уже позднее и для растеній мало надежное, почему я за полезное для меня призналъ просить совѣта у г. статскаго совѣтника П. И. Рычкова, мужа отмѣнными любопытными упражненіями у насъ знаменитаго»... Лепехинъ засталъ владѣльца Спасскаго за наблюденіями надъ пчелами, для чего онъ употреблялъ такой же улей съ стеклянными окошками, какой былъ у знаменитаго французскаго изслѣдователя насѣкомыхъ — Реомюра. Рычковъ подробно показывалъ Лепехину всѣ достопримѣчательности окрестностей, далъ совѣтъ, какимъ путемъ продолжать ученую поѣздку, назвалъ проводниковъ, которые могли быть полезны академику своею опытностью и расторопностію, а 7-го ноября 1768 года извѣстилъ Миллера: «Г. профессоръ Палласъ жилъ у меня здѣсь больше недѣли, а прежде его былъ г. докторъ Лепехинъ и жилъ столько жъ. Я уповаю (что) довольны они моими совѣтами...»

Вообще можно замѣтить, что Рычковъ сроднился съ Академіею, видѣлъ въ членахъ ея близкихъ людей и до такой степени, что, на-примѣръ, считалъ себя вправѣ быть несовсѣмъ довольнымъ, когда академики Фалькъ и Георги, въ бытность свою въ Оренбургѣ, не часто посѣщали его: «Гг. Георги и Фалькъ — сообщалъ онъ Миллеру 28-го октября 1770 г. — какъ слышу, здѣсь, но ко мнѣ рѣдко ходятъ, хотя и недалеко отъ меня живутъ»...

Таковъ представляется Рычковъ въ перепискѣ своей съ Академіею; оканчивая настоящій очеркъ, я смѣю думать, что послѣ знакомства съ подобною личностію умѣстно желаніе, чтобы въ нашъ XIX вѣкъ, когда такъ часто слышатся суровые приговоры временамъ, въ которыя жилъ и дѣйствовалъ Рычковъ, чтобы и въ XIX вѣкѣ являлись люди съ такою же любовью къ наукѣ, съ такою же готовностью оказывать представителямъ ея помощь словомъ и дѣломъ, какія выказалъ сынъ купца, чиновникъ и помѣщикъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до насъ.